

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-243-250

ПРИНЦИП «ИСЧЕРПЫВАЮЩЕГО ДЕЛЕНИЯ» В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И ТРАДИЦИИ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА (К ПРОБЛЕМЕ «М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И Н.М. КАРАМЗИН»)*

Киселева И.А., Алпатова Т.А.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается особый поэтический приём, популярный в лирике XVIII – первой половины XIX века, который Л.В. Пумпянский назвал «принцип исчерпывающего деления». На примере стихотворений Н.М. Карамзина и М.Ю. Лермонтова проводится анализ исчерпывающего деления как особого типа композиции стихотворения, в котором перечисляются все рационально представляемые грани отдельного явления. Таким образом ставится вопрос о гносеологическом потенциале «исчерпывающего деления» – способа постижения бытия как «единства в многообразии», высшего проявления гармонии мироздания, к которой стремится поэт.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, М.Ю. Лермонтов, классицизм, сентиментализм, романтизм, риторика.

THE PRINCIPLE OF “EXHAUSTIVE FISSION” IN M. LERMONTOV’S POEMS AND THE TRADITIONS OF THE 18TH CENTURY’S POETRY (TO THE PROBLEM OF “LERMONTOV AND KARAMZIN”)

I.Kiselyova, T.Alpatova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with a special poetic technique, popular in the lyrics of 18th – the first half of the 19th century, which L. Pumpyansky called "principle of exhaustive fission". On example of N. Karamzin's and M. Lermontov's poems, the analysis of the exhaustive fission as a special type of poem composition is performed. The composition lists all rational to the brink of a single phenomenon. Thus the question of the epistemological potential of "exhaustive fission" is raised – ways of understanding life as "unity in diversity", the highest manifestation of the harmony of the universe, to which the poet strives.

Keywords: N. Karamzin, M. Lermontov, classicism, sentimentalism, romanticism, rhetoric.

Характерный для рационалистической поэтики образно-композиционный приём, получивший название «принцип исчерпывающего деления», был в 1923

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь».

© Киселева И.А., Алпатова Т.А., 2016.

г. описан Л.В. Пумпянским применительно к стилю А.С. Пушкина. По мысли исследователя, приём представлял собой не столько стилевое явление, сколько именно «принцип мышления», некое особое «разделительное суждение», «не дающее нового знания, а расчленяющее с возможной точностью состав старого знания» [6, с. 212], представляющее характерную именно для рационалистической литературы тенденцию.

В задачи данной работы входит рассмотрение судьбы указанного приёма в поэтических системах, «выбивавшихся» за пределы нормативно-риторической эстетики, что предполагало и трансформацию «разделительного мышления», образно-композиционным воплощением которого оказывалось «исчерпывающее деление». Важность такого подхода видится ещё и в том, что позволяет найти сравнительно органичную сферу для сопоставления принципов лермонтовской поэтики с традициями отечественной лирики XVIII века. **Вопрос этот сложен уже потому, что сам поэт словно бы заранее дал на него ответ, дистанцировавшись от предшествующего столетия** [5, с. 423-424], подчёркнуто стремясь к художественной самостоятельности и потому не принимая принципов нормативно-традиционалистской эстетики на самых разных уровнях, от проблемно-тематического до жанрового.

Имя Лермонтова в связи с исследованием судьбы «исчерпывающего деления» в романтической лирике было названо уже Л.В. Пумпянским. Карамзин в этом случае возникает как сопоставительная фигура именно потому, что в его художественной систе-

ме можно выделить сходные процессы трансформации рационалистического «изобретения» художественного образа, которые как сближают его с нормативно-риторической традицией, так и отдаляют от неё. Рабочая гипотеза данной статьи видится в том, что подобное взаимодействие разнонаправленных процессов обнаруживается и в поэтике Лермонтова, что в перспективе даёт ещё одну возможность ставить вопрос об истинном значении эстетического наследия прошлого в его творчестве.

Генезис «принципа исчерпывающего деления» в композиции развёртывания лирического образа, по видимому, необходимо возводить к риторической амплификации, в которой равнозначные выражения – своего рода «поиск» точного слова из ряда близких соотносимых – притом поиск, который ведётся, но не имеет однозначной «цели»; целью подобной синтаксической структуры оказывается она сама, её собственное построение, вся совокупность перечисляемых / «нанизываемых» словесно-образных единиц. Значительное влияние на развитие «исчерпывающего деления» в русской поэтике оказала также теория «изобретения» М.В. Ломоносова, представляющая собой последовательность определённым образом связанных граней поэтической мысли – в этом случае также расходящийся «веер» ассоциаций может быть очень сложным и широким [4, с. 111-113], что нередко приводило к критике Ломоносова со стороны более строгих приверженцев теории классицизма, а для исследователей позднейшего времени стало основным тезисом в утверждении значения барокко для

ломоносовской торжественной оды. В свете этих генетических источников «принципа исчерпывающего деления» составляющие его приёмы – собственно «деление» и «перечисление», так называемые «списки» и «упоминания» («перечни неразвивающихся тем») [6, с. 216-217] – не отрицают в том числе ассоциативности. «Расчлняя» суждение и перечисляя его составные части, выстраивая таким образом «исчерпывающее деление», поэт стремится к некоей цели, в конечном итоге внеположной «перечню», природу которой также представляется важным понять, прежде чем обратиться к её переосмыслению в начале XIX века.

Характеризуя «принцип исчерпывающего деления», по-видимому, важно также представлять тот источник «универсального знания», благодаря которому и становится возможной столь «предельная» и «безусловная» аналитичность подобного суждения. Восстанавливая генезис русской торжественной оды XVIII века, Н.Ю. Алексеева видит её истоком особое философско-эстетическое воззрение, в котором между поэтическим образом и «реальностью» стоит некое «готовое представление» [1, с. 197] «умственное созерцание взаимообусловлено готовыми представлениями и готовыми словами» [1, с. 197]. Эти представления членимы и исчислимы, в этом смысле они и подвержены «исчерпывающему делению», высшую цель которого, по мысли Н.Ю. Алексеевой, его приверженцы видели во всеохватности представленной картины мира: «Мыслящему взору поэта открывается весь мир в его настоящем, прошлом и будущем; во всей его огромности и безбрежности...» [1, с. 192].

Формулы «исчерпывающего деления» занимают в поэзии Н.М. Карамзина весьма значительное место. В этом смысле рассматриваемый феномен оказывается в одном ряду и с другими риторическими приёмами в поэтике карамзинского текста, и таким образом сентиментально-предромантические тенденции, реализовавшиеся на проблемно-тематическом уровне его стихотворений, взаимодействовали в его многосоставной эстетике с рационалистическими элементами, когда «новые» поэтические эмоции воплощались в рамках риторической образности – и «готового слова», и «готового представления».

Интересно посмотреть реализацию этого приёма в стихотворении Н.М. Карамзина «Протей, или Несогласия стихотворца», по справедливости признаваемого современными исследователями одной из важнейших эстетических деклараций карамзинской поэзии. Центром художественного размышления здесь становится идея творческой свободы; своеобразный эклектизм поэтического выражения – свидетельство отзывчивости души всем впечатлениям бытия:

Противоречий сих в порок не должно ставить

Любимцам нежных Муз; их дело выражать

Оттенки разных чувств, не мысли соглашать,

Их дело не решать, но трогать и забавить <...>

Здесь сердце говорит, но истина нема [2, с. 168].

Однако сам принцип композиционно-стилистического построения текста – «размышления» о свободе – представляет своего рода расчленение

и исчисление возможных «примеров» реализации свободных «превращений» поэта-Протея. Идея разнообразия человеческих судеб и состояний раскрывается в чётко организованной последовательности: естественная жизнь на лоне природы – «великолепный град, картина многолюдства», представляющая успехи цивилизации; твёрдость души истинного мудреца – чувствительность «нежных сердец»; слава «великих душ» – тщета славы перед лицом вечности; любовь как высшее счастье человека – любовь как источник печали и горести... Парно противопоставляемые, образы людских состояний, страстей, переживаний, в совокупности представляют некий образ *всеобщего* – это не просто «разные» состояния, но объединённые согласно логическому рациональному суждению, – единство в многообразии. Сущность этого единства в данном случае – «человек», в природе которого заложены истоки противоречивых, противоположных жизненных импульсов и принципов; «исчерпывающее деление», лежащее в основе стихотворения в целом, позволяет раскрыть сложную природу этого явления.

При этом контрапунктное соединение установок на анализ и синтез в исчислении возможных поэтических ассоциаций проявляется не только на макроуровне текста в целом, но и на микроуровне – в каждом отдельном описании, детали которого в совокупности также составляют элементы целого. Так, в хвале *Цивилизации* соединяются искусство – город – общество; в *Обществе*, в свою очередь, также перечисляются более частные понятия, объединённые в состав целого:

*Разнообразное движение страстей,
Подобно бурному волнению морей,
Но действием ума премудро согла-
шенных*

*И к блеску общества законом обра-
щенных;*

*Театр, где, действуя лишь для себя
самих,*

*Неволью действует для выгоды
других;*

*Машина хитрая, чудесное сплетенье
Бесчисленных колес; ума произведение,
Но, несмотря на то, загадка для
него!.. [2, с. 162]*

Свобода в выборе поэтического предмета, таким образом, отнюдь не отвергает рационального; «протезизм» как высшая идея стихотворства и предмет художественного осмысления в своих конкретных проявлениях раскрывается в разнообразных ассоциативных рядах, в свою очередь объединяемых, снова разделяющихся; реализуясь на различных уровнях поэтического текста, «принцип исчерпывающего деления» в данном случае решает ту же риторическую задачу некоей высшей «убедительности», природа которой заключена именно во «всеохватности» описания.

Лермонтовские случаи «исчерпывающего» принципа риторико-композиционного построения текста не менее многочисленны. Нередко они поддерживаются строфическим членением стихотворения, анафорами, приёмами синтаксического параллелизма и т. п.

Думается, характерным элементом именно лермонтовской трактовки приёма оказывается подчёркнутая устремлённость исчисляемых «единиц» ко всеобщему. Принцип «исчерпывающего деления» может реализовываться в «парных» понятиях,

своеобразный «контрапункт» которых и может разрешаться в итоге желанным единством:

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...* [3, с. 361]

В поэтическом размышлении Лермонтова пары противоположностей существуют на различных уровнях: «не Байрон» – «другой»; «как он...» – «но только»; начало – конец; ум – душа; человек – толпа... Завершающее стихотворение восклицание «Я – или Бог – или никто!» не только очередное противопоставление, разрешающееся своеобразным «отрицающим синтезом», но и реминисценция (возможно, неосознанная) карамзинского «Протей...», в котором размышление о стоицизме истинного мудреца поэтически представляется в некоем возможном панегирическом тексте, частью которого и становится восклицание:

Великая душа! Что мир сей пред тобой?

Горсть пыльных земли. Кто повелитель твой?

Сам Бог – или никто... [2, с. 163]

В связи с «принципом исчерпывающего деления» Л.В. Пумпянский выделял стихотворение Лермонтова «Ветка Палестины», показывая, что в данном случае сам исходный принцип рационалистического мышления – «анализировать и перечислять в порядке» [6, с. 212], «аристотелевская удобообозримость» [6, с. 217] оказывается радикально трансформирован: у Лермонтова-поэта «нет пафоса вопрошения» [6, с. 213], а цепочка вопросов оборачивается вопросами мнимыми, которые «суть на самом

деле ответы» [6, с. 213], «перечень ассоциаций», по мысли Пумпянского, присущий именно романтической эстетике.

«Ветка Палестины» предстаёт одним из самых насыщенных пушкинскими реминисценциями стихотворением, причём, в отличие от ранней лирики Лермонтова, они настолько органично и плотно врастают в самые разные слои текста, что формируют своего рода «пушкинскую амальгаму»: от ритмической структуры и строфической / синтаксической композиции («кальки» пушкинского стихотворения «Цветок») до узнаваемых персонажей и мотивов («Жил на свете рыцарь бедный...», «Бахчисарайский фонтан»), словно бы невольно подсказанных поэтической памятью «цитат» (как «прозрачный сумрак...» последней строфы, унаследованный Лермонтовым от пушкинского вступления к «Медному всаднику»). Эта «пушкинская» основа, безусловно ассоциировавшаяся в творческом сознании Лермонтова с абсолютной гармонией, проникает и в глубину ритмико-интонационной структуры: чётко выдержанный четырёхстопный ямб (к тому же в значительном количестве стихов полноударный), классическая «правильность» которого, уже несколько архаичная для русской поэзии конца 1830-х – начала 1840-х гг., поддерживалась столь же чётко выдержанным фонетическим жестом – постоянно повторяемым переходом с раскатистого «р» к мягкому плавному «л» в различных звуковых сочетаниях («Где ты росла...»; «Ты украшением была...»; «Ночной ли ветер в горах Ливана...»; «Широколиственной главой...» и мн. др.).

Совокупность приёмов, организующих текст, функционально связана с особой творческой задачей, которая может быть определена как стремление к абсолюту – полноте, завершённости, гармонической уравновешенности всех возможных формальных элементов. Вопросы, в избытке присутствующие в семи строфах из девяти, тем не менее выстроены таким образом, что лишь способствуют этому ощущению равновесия и полноты: и благодаря многократному параллелизму («Где ты росла, где ты цвела, // Каких холмов, какой долины...» и др.), и благодаря размеренно-чёткой строфической композиции, в свою очередь столь же чётко оформляющей лирический сюжет, пространственно-временную и субъектно-объектную структуру текста. Четыре части стихотворения почти равны по длительности: три строфы – вопрошания, связанные с той памятью, что несёт в себе «ветка»; две строфы – судьба пальмы; две – размышления о том загадочном человеке, что привёз ветку в иной, далёкий от её родины край, и наконец, последние две строфы – явление самого образа ветки, не видимого до той поры и представавшего лишь в цепочке воспоминаний. Эта абсолютная формальная завершённость – совершенство структуры – в итоге делает несомненным то духовное откровение, которое становится главной движущей силой в развитии поэтической мысли. Стихотворение занимает особое место в ряду духовно-философских произведений поэта последних лет его жизни: наряду со стихотворениями «Молитва» («В минуту жизни трудную...» и «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Когда волнуется желтеющая нива...», «Выхожу один я на дорогу...» и др.

оно свидетельствовало о важнейшем для лирического героя Лермонтова духовном опыте – живого, свободно-го от мистико-фантастической образности и романтических оппозиций («земное» / «небесное», с устоявшимся набором ценностно-иерархических характеристик) ощущения небесного как непосредственно предстоящего, как несомненной и абсолютно ясной реальности. «Спокойствие» и выверенность ритмико-интонационного, фонетического, образного «рисунка» оказывается для этого особенно важна как свидетельство очевидности этого опыта. Три «вопрошающие» части поэтического монолога здесь – путь к постижению того, что есть безусловная реальность; не случайно в последней, четвёртой части вопросы исчезают; не случайно сам образ «ветки Палестины» описывается лишь в двух последних строфах, где она является как неизбежно стоящая на грани земли и небес вертикаль («*Страж Ерусалима, // Святыни верный часовой...*»), вписанная в абсолютный круг Божественной полноты и совершенства: «*Прозрачный сумрак, луч лампады, // Кивот и крест, символ святой... // Всё полно мира и отрады // Вокруг тебя и над тобой*» [3, с. 416]. Так происходит «процесс “преображения” одного мира в другой, изживание экзистенциальной драмы» [6, с. 114].

Этот опыт тем более важен, что образ ветки являет собой и очень важное в лермонтовском духовном развитии переосмысление смерти: рост, цветение, жизнь для неё, казалось бы, в прошлом, она «увяла», но в этом увядании, в «уходе» от земной жизни обрела истинный смысл своего существования, как бы «смертию смерть поправ». В отличие даже от пушкинского «Цвет-

ка» – символа, пробуждающего память о прошлом («И вот уже мечтою странной // Душа наполнилась моя...»), «ветка Палестины» у Лермонтова ведёт не только к прошлому, но к будущему, а по сути – к тому особому состоянию бытия, в котором преодолевается иллюзия временной разделённости и достигается истинная, предначальная полнота существования.

Таким образом, анализ проявлений принципа исчерпывающего деления в русской лирике конца XVIII – начала XIX в. позволяет выявить важную область взаимодействия индивидуально-авторского и нормативно-традиционалистского типов художественного сознания. При этом важно помнить, что «разделяющее» и «исчисляющее» изображение – не просто следствие рационали-

стического мирозерцания, не просто «структура»; высшей целью подобного «исчисления» было постижение закона бытия как «единства в многообразии». Гносеологический потенциал «исчерпывающего деления» как поэтической структуры связан с неоплатоническими представлениями об истинной природе бытия, его высшей гармонии, которая и воплощается в «гармонизирующей» направленности «исчисляющего» изображения. Примеры реализации этого приёма в творчестве Н.М. Карамзина и М.Ю. Лермонтова подтверждают его значение в творческом развитии не только конкретных поэтов, но и русской лирики той поры, сложная система взаимодействия с традицией у которой и позволяет судить о путях её развития в новой эстетике XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Н.Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
2. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 14: Стихотворения и стихотворные переводы. Проза 1780 – начала 1790-х годов. М.: Terra – Книжный клуб, 2005. 432 с.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения, 1828–1841 / ред. В.Э. Вацура; вступ. ст., подгот. текста Т.П. Головановой. 1979. АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979–1981. 655 с.
4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.
5. Нейман Б.В. Русские литературные влияния в творчестве Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник 1. М.: ОГИЗ, 1941. С. 422-465.
6. Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.

REFERENCES

1. Alekseeva N.YU. Russkaya oda. Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh [Russian ode. The development of the odic form in the 17–18th centuries]. SPb., Nauka, 2005. 369 p.
2. Karamzin N.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 18 t. T. 14: Stikhotvoreniya i stikhotvornye perevody. Proza 1780 – nachala 1790-kh godov [Complete works: In 18 V. V. 14: Verses and verse translations. Prose 1780 – early 1790s]. M., Terra - Knizhnyi klub, 2005. 432 p.
3. Lermontov M.YU. Sobraenie sochinenii: V 4 t. T. 1. Stikhotvoreniya, 1828–1841 [Collected works: in 4 vol-s. Vol. 1. Poems, 1828–1841] / Ed. V.E. Vatsuro; Introd. art., prep. of text by

- T.P. Golovanov. 1979. AS USSR. The Institute of Russian literature (Pushkin house). Ed. 2nd, rev. and ext. L., Nauka. Leningr.otd-nie, 1979–1981. 655 p.
4. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 [Complete works in 10 volumes. Vol. 7: Works on Philology 1739–1758]. M.; L., Izd-vo AN SSSR, 1952. 996 p.
5. Neiman B.V. Russkie literaturnye vliyaniya v tvorchestve Lermontova [Russian literary influence in the works of Lermontov] // Zhizn' i tvorchestvo M.YU. Lermontova: Issledovaniya i materialy: Sb. 1 [The life and work of M. Lermontov: Studies and materials: Coll. 1]. M., OGIZ, 1941. pp. 422–465.
6. Pumpyanskii L.V. Klassicheskaya traditsiya. Sobranie trudov po istorii russkoi literatury [The classical tradition. A collection of writings on the history of Russian literature]. M., Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 864 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета

e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета

e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina Kiselyova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor, head of Department of Russian classical literature at Moscow Region State University;

e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Tatiana Alpatova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of Department of Russian classical literature at Moscow Region State University;

e-mail: alpatova2005@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Киселева И.А., Алпатова Т.А. Принцип «исчерпывающего деления» в лирике М.Ю.Лермонтова и традиции поэзии XVIII века (к проблеме «М.Ю.Лермонтов и Н.М.Карамзин») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 243-250.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-243-250

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Kiselyova, T. Alpatova. The principle of “exhaustive fission” in Lermontov’s poems and the tradition of the 18th century’s poetry (to the problem of “Lermontov and Karamzin”) // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 243-250.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-243-250